

ство. Не случайно существует анекдот, отражающий это свойство, что «женщина из ничего может сделать три вещи: салат, шляпку и скандал». Мужчины тоже интересуются проблемами бодибилдинга, боди-арта, доводя иногда этот интерес до абсурда. Примером могут служить деятели шоу-бизнеса Джигурда, Тимати, Зверев и др.

Перформанс как действие, проявляющееся в формах творчества, обнаруживает в себе новый аспект – артистизм. Возникает ситуация, в которой исполнительское мастерство автора присутствует уже в нескольких ипостасях: и как способность создать совершенную форму, и как способность творца самого представлять данное произведение публике, режиссировать и выстраивать его сценарий, участвовать в «презентации». Здесь речь идет не о глубине и символическом усилении качества; артистизм раскрывает себя в легкости, отточенности и изяществе исполнения, и является признаком высшей квалификации. Везде, где нечто исполняется субъектом, артистизм легитимен и в рамках меры выражает позитивное качество. Везде, исключая исполнения роли артистом, существенное качество которого проявляется в моменты не тождественности самому себе, когда артист менее всего играет, когда проживает, вживается и забывает

себя. Артист не может быть точкой отсчета самого себя [2]. Но это свойство в полной мере относится к людям в любой другой профессии – будь то лектор, хирург, спортсмен и т. д., словом, артист своего дела.

1. Ильин В.И. Повседневная жизнь как театр: методологические принципы анализа / Социология 1/2010. С. 55–61.
2. Савчук В.В. Что исполняет перформанс? // Феномен артистизма в современном искусстве. / Отв. ред. О.А. Кривцун. М.: «Индрик», 2008. С. 497–517.
3. Смирнов Г.Л. Советский человек. М. 1971.
4. Шекспир В. Комедия «Как вам это понравится». Перевод Т.Л. Щепкиной – Куперник.
5. Taylor B. The art today. London, Calman & Kind LTD. 1995. P. 32.
6. Schechner, R. Performance Theory. Routledge, New York-London. 1988.

1. Il'in V.I. Povsednevnyaya zhizn' kak teatr: metodologicheskie principy analiza / Sociologiya 1/2010. S. 55–61.
2. Savchuk V.V. Chto ispolnyaet performans? // Fenomen artistizma v sovremennom iskusstve. / Отв. ред. О.А. Кривцун. М.: «Индрик», 2008. С. 497–517.
3. Smirnov G.L. Sovetskij chelovek. M. 1971.
4. Shekspir V. Komediya «Kak vam e'to ponravitsya». Perevod T.L. Shhepkinoj – Kupernik.
5. Taylor B. The art today. London, Calman & Kind LTD. 1995. P. 32.
6. Schechner, R. Performance Theory. Routledge, New York-London. 1988.

UDC 316.4+141

PERFORMANCE IN EVERYDAY LIFE

Romanova Kira Stepanovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
senior scientific collaborator,
candidate of philosophical sciences, associate professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the performance as a way to stay everyday life. The theoretical model of social space is represented as a material resource for a specific type of actions implemented in the form of life theatre. Any enforcement of the social roles in different social spheres requires the highest level of artistry.

Key words:

performance, social role, ritual, artistry.

УДК 321.013

ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К КОСМОПОЛИТИЗМУ: ПЕРФОРМАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ТУРЦИИ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт Философии и Права Уральского отделения Российской Академии Наук,
аспирант,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Статья направлена на изучение перформативных процессов, происходящих в политическом дискурсе современной Турции. Исследование базируется на авторской методологии, предполагающей анализ мазхаба как основы для политических изменений. Результатом исследования стало отражение поляризации политического развития страны, анализ национальных и космополитических векторов развития в контексте событий «Арабской весны» и ее последствий.

Ключевые слова:

Турция, мазхаб, ханафизм, Арабская весна, исламизм, перформация, дискурс.

События так называемой «Арабской Весны» фундаментально перекроили аксиологическую карту исламской восточной политики. Традиционалистскому обществу, лишенному секуляризации добровольной автаркией в рамках мировых интеграционных процессов, был брошен глобалистский вызов. Суть этого вызова заключалась в том, что привычный лидер ханафитских стран, да и суннитского мира в целом, Египет потерял статус страны, предлагающей религиозно-политическую повестку дня другим акторам региона.

На замещение места лидера ханафитских государств претендует Турция. Также она соревнуется с Саудовской Аравией за лидерство в исламской умме в целом. Основная суть противостояния заключается в том, кто сможет предложить более эффективный проект политической интеграции в глобальную экономику, компенсировав при этом делинквентные последствия, несопоставимые с религиозным каноном.

Основная проблема интеграции – инициация политических изменений. Изменения обще-

ственной жизни, как таковые, имеют негативную презумпцию в несекулярных обществах, находящихся вне западной этики. Основным цензором подобных изменений является религия, а ее выразителями – духовенство или государство. Персонализация конкретного актора и суть потенциальных изменений в политике определяет религиозно-правовая школа – мазхаб. Именно в мазхабе, традициях его претворения в жизни общины зиждется детерминация отношения населения к изменениям. Каждая школа содержит собственный аутентичный потенциал.

На сегодняшний день в исламе остаются актуальными пять основополагающих мазхабов: ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский – в суннизме; джафаритский – в шиизме. Каждый из приведенных мазхабов ранжируется согласно уровню внутреннего перформативного потенциала и оказывает специфическое влияние на возможность и характер общественных изменений как таковых.

Основной страной, использующей ханафитский мазхаб, традиционно считался Египет.

Однако после череды революций страна потеряла возможность занимать лидерские позиции. Претендуя на ее место, Турецкая республика также изменяет и политическую доктрину, предлагаемую религией. Традиционно, ханафитский мазхаб представляет собой наиболее религиозно-умеренное направление в исламе. Это предполагает, что любые политические изменения имеют крайне малую корреляцию с теологической мыслью.

Ханафизм отдает приоритет светскому характеру власти, основной его идеологией является попытка создания концепций не исламской, а национальной идентичности. Первой такой концепцией является имплементированный Мустафой Кемалем пантюркизм, или «здоровый тюркизм», целью которого было сохранение турецкого государства в условиях падения халифата и западной интервенции. «Националистические концепции «здорового тюркизма» были реализованы в форме идеологии государственной власти и организации общества на республиканской основе» [1, 13].

В основе данных идей – аналогия исторического развития турецкого государства и основных европейских стран. Источником подобных параллелей являются конкретные исторические условия. После поражения в первой мировой войне рушится Портинский халифат. Следствием кризиса самосознания становится возрастание национализма и формирование турецкой идентичности как таковой. Кульминацией этого процесса становится институциональное оформление Турецкой республики.

Идеологом создания нового государства выступил Мустафа Кемаль Ататюрк. Проводимые им политические реформы основывались на идеях философии просвещения, предполагающих не только образование национального государства и договорную его основу, но и абстрагирования от религиозного детерминизма политики. Конкретные преобразования носили схожую логику: упразднение халифата, запрет на ношение религиозной одежды в общественных учреждениях, эмансипация, секуляризация.

Подобные изменения в традиционно религиозном обществе стали возможны путем создания кризисной ситуации, актуализировавшей роль

армии как проводника политических изменений. «Ататюрк пытался преобразовать Турцию в современное, западное, светское государство, осуществив эту революцию «сверху». Эти изменения, исходящие от государства и спущенные вниз как элемент социального конструирования, были осуществлены небольшой военно-бюрократической элитой, которая наложила свое атеистическое видение на сопротивляющееся традиционное общество» [9, 32]. Это позволяет говорить о том, что само общество не было заинтересовано в политической модернизации, а привносимые изменения носили вынужденный насильственный характер.

Подобный характер политических преобразований был детерминирован текущей геополитической обстановкой. В условиях упадка Османской империи имел место быть высокий риск ее колонизации западными державами. Конкретный проект, предложенный президентом США Вудро Вильсоном, вызвал отторжение со стороны военной верхушки высокой Порты, что послужило поводом для разработки собственного турецкого проекта политического развития, перформации турецкого общества.

Фундаментальное следование положениям либеральной идеологии и западноориентированный характер предлагаемых изменений также был обусловлен практическими задачами. Мировые политические процессы того времени характеризуются институциональным закреплением власти в периферии державами центра с помощью колонизации. Единственный способ избежать подобной участи для Турции заключался в необходимости конвергенции и предполагал радикальное сближение с западным миром. Исходя из этого, за основу производимых изменений была взята аналогия исторического развития, основанная на формировании национального государства. Обратной стороной изменений такого рода стало исключение национальных меньшинств из политического пространства.

Кроме того, новообразованной державой была предложена и новая, в рамках исламского самосознания, модель политического развития. Ее сущностные характеристики сводились к умалению роли религии как цензора изменений в обществе. Однако это не означало секуляриза-

цию в традиционном европейском понимании как полной делимитации религии и государства. Это выразилось в отказе от официального государственного провозглашения и деактуализации религии как основного регулятора общественных отношений. «Республика унаследовала механизмы контроля и регулирования религии от системы, установленной Оттоманами» [9, 12].

В основе этих механизмов лежит замена традиционного института шейх-уль-ислама на специализированный орган в правительстве, занимающийся регламентацией религиозных вопросов. Компетенция данного органа распространялась только на мусульман суннитов ханафитского мазхаба. Посредством данного органа осуществлялся четкий контроль над религиозной деятельностью со стороны военных, интересы которых представляли правящие круги.

Таким образом, де-факто, турецкое государство произвело «национализацию ислама». Культовые сооружения стали государственными органами, оказывающими услуги населению; а представители исламского духовенства – государственными служащими. С помощью данных преобразований государство получило контроль над религиозным дискурсом страны, который перестал быть определяющим фактором политической повестки. Это позволяет говорить, что была произведена перформация, сместившая космополитический акцент Оттоманской империи как державы-хранительницы священных городов, к про-европейскому национальному светскому государству.

Тем не менее, со временем в политической жизни страны начали происходить аксиологические расслоения, ставшие причиной повторной актуализации религиозной проблематики. С одной стороны, широко распространились и укрепились в обществе идеи светского национального государства, с другой, в качестве реакционизма, – актуализировалась космополитическая роль ислама. Для обеспечения стабильного политического развития в таких условиях стала необходима ценностная синкретия, предполагающая сочетание исламизма и западно-ориентированного курса развития.

Укрепляя регулируемый характер религиозной деятельности, военные добились введения

всеобщего религиозного образования как способа предотвращения ортодоксии и экстремизма. Это не только актуализировало роль политического ислама в жизни Турции, но также привело и к постепенной популяризации идей об отказе от построения светского государства. Историческая задача сохранения независимости республики была выполнена, а значит, либеральные ценности стали умножаться на религиозный консерватизм.

В такой ситуации военные выступили гарантом сохранения курса на построение светского национального государства западного образца с помощью военных переворотов, методично отстранявших от власти политиков исламской ориентации. «На самых крутых виражах истории страны армии удавалось выправить и стабилизировать ситуацию» [2, 246]. Военные стали гарантом обеспечения интересов светски ориентированных граждан, так как «при любых катаклизмах политического процесса либеральная элита апеллирует к армии» [2, 246].

Возможность подобного сотрудничества между интеллигенцией и армией следует из детерминированных ханафитским мазхабом социальных особенностей. С точки зрения религиозной доктрины ханафитов любые общественные изменения, имеющие перформативный характер, соотносятся не с конкретными нормами шариата или сунны, а выстраиваются в логике примата местных традиций как источника светского закона. Также возможен другой вариант: рассмотрение изменений с позиции национальной уммы, т.е. институционально закрепленной электоральной волей большинства. Подобная практика соответствует исламскому принципу истихсан, и предполагает, что наиболее благоприятным решением, как с политической, так и с религиозной точки зрения, является предпочтительное для большинства.

В данных рамках ключевым моментом в закреплении любых новаций как нормы является обеспечение ее преэминентности любыми методами. Это актуализирует роль военных как гаранта защиты общественных основ, заложенных Мустафой Кемалем. При этом конкретная роль военных заключается в реставрации и воспроизведении тех качественных характеристик политической системы, которые ориентированы

на идеалы светского прозападного развития. Это значит, что с течением времени данные приоритеты, как выражение воли большинства, становятся синкретической частью религиозных традиций. Это позволяет говорить о том, что ориентация на сотрудничество с Европой, кульминативным выражением которого является идея о вступлении в Европейский Союз, становится частью государственной религиозной доктрины.

Актуализация дальнейшего политического развития, с учетом совершенствования институтов представительства, отводится политическим партиям. Поскольку основой в формировании перформативных ориентаций населения является исламизм, т.е. аксиологическая база религии, то он выступает как ценностная основа происламских партий. Соответственно, с ростом продолжительности срока артикуляции идеями изменения, тенденция отстранения данных партий от участия в политическом процессе со стороны армии снижается, так как свобода политических партий является критическим условием для вступления в демократический авангард.

Данный тезис может быть продемонстрирован на основе расстановки политических сил в современной Турции. Несмотря на расцвет происламских партий и движений в конце XX века, эти события лишь стали поступательным концом реакционизма, отвергающего дальнейшие политические преобразования как таковые. На сегодняшний день ведущая роль в политической жизни страны принадлежит Партии Справедливости и Развития. Основа партии – религиозные ценности и происламский порядок. При этом данный курс сочетается с дальнейшей экономической и политической интеграцией с Европейским сообществом. «Нынешняя Турция во главе с Партией Справедливости и Развития намерена продолжить свой путь явно по капиталистическому пути и в тесном сотрудничестве с миром Запада. Она очень надеется на то, что станет членом ЕС» [2, 268].

Несмотря на это, как и в любой восточной стране, определенное влияние на общественное развитие Турции оказывают внесистемные силы, представленные альтернативными этническими или конфессиональными ценностями. Этническая

идентичность в республике подавляется абсолютизацией концепта национального государства, что с точки зрения исторической аналогии является прямой рецепцией западных ценностей. Побочные религиозные взгляды, в большинстве своем также основанные на традициях ханафитской школы, основываются на умеренном исламизме, интерпретируемом с позиции конструктивной критики действующего режима.

Это проявляется в образовании легальных движений, ставящих своей целью достижение политической власти и использование ее для проведения общественных изменений, способных вернуть страну в русло мусульманских традиций в той мере, в которой это не противоречит принятым рамкам развития. «Исламисты способны действовать в коалиции со светскими организациями», «находясь в оппозиции, они идут на сотрудничество с различными партиями в социальной сфере, вопросах здравоохранения и т.п.» [3, 88].

Такая ситуация позволяет говорить о полноценном синтезе религиозной этики и ориентиров политического развития. В основе межполитических противоречий, традиционно, остаются вопросы в отношении конкретных проблем. Среди них: отношения с Израилем, Ираном; актуальность D-8 («Большой Исламской Восьмерки»), будущее Республики Северного Кипра, вариативность решений в плоскости дихотомии свобода-порядок, ношение религиозной одежды и прочее. В свою очередь, подобная повестка дня способствует деактуализации реакционизма и, как следствие, потерю необходимости в насильственном сохранении режима.

В логике подобного развития происходят последние изменения. Турция смещает акцент с военных как гаранта развития в плоскость бюрократического управления. Можно сказать, что происходит планомерный переход способа легитимации власти и актора политических изменений с харизматического на бюрократический. Заложенная Атаатюрком традиция придания государственного статуса религиозной деятельности в прошлом на сегодняшний день способствует тому, что ориентированные на модернистский потенциал исламизма силы лаконично интегри-

руются в устоявшиеся политические институты, приобретая в них лидерские позиции.

Именно благодаря популяризации происламских идей и политического курса, ориентированного на исламский мир, начали происходить новые перформативные изменения. С одной стороны, развитие турецкого евроскептицизма, основанного на невключении республики в интеграционные процессы ЕС и отсутствие понимания проблемы Северного Кипра, деактуализирует западный вектор внешней политики. С другой стороны, политическое разрушение Египта в ходе «Арабской весны» освобождает лидерские позиции в суннитском пространстве, на которые претендует Саудовская Аравия, являясь державой-хранителем святых городов Медины и Мекки. Совокупность этих факторов делает привлекательной для турецкого государства идею продвижения своих интересов в исламском мире, повышая статус страны как гаранта региональной военной и политической безопасности, также способного предложить иным странам проекты успешного политического развития.

Однако для усиления политических позиций Турции в рамках уммы, а в большинстве своем – в странах Северной Африки, требуется отказ от риторики этнического турецкого государства. В свою очередь, это потребует обратного смещения акцента политического развития с процессов национализации в пользу исламского космополитизма, включающего в себя и религиозную эстетику как делимитацию статуса мужчины и женщины, ориентацию не на местные, а на общие для мусульман традиции и т.п. В свою очередь, это привело бы к ослаблению позиций в рамках пантюркского сотрудничества, в котором страна играет активную роль.

Несмотря на то, что подобная исламская повестка соответствует действиям правящей партии Справедливости и Развития, она не находит поддержки среди турецких граждан. Декларированный курс происламских реформ в 2013 году, сделанный в антураже поездки премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана по пост-революционным странам Северной Африки, вызвал определенную обеспокоенность в стране и активизацию проблемной внутривнутриполитической

повестки. Это привело к масштабным антиправительственным выступлениям светски настроенной молодежи и представителей либеральной интеллигенции, вылившиеся в события на площади Таксим.

Анализ этих событий позволяет говорить о том, что политический дискурс в стране переживает состояние поляризации. С одной стороны – идея евроинтеграции и национальном светском турецком государстве, с другой – потенциал усилить позиции регионального лидера в исламской умме на фоне усиления исламизма в стране. Это противостояние является как предметом политической плоскости, так и своеобразным отражением конфликта запада и востока, к которым очень важно выработать четкую позицию.

Таким образом, ханафитский мазхаб современной Турции имеет аутентичный потенциал в контексте реализации перформативных изменений. Это позволяет сделать особое понимание традиций как критерия допустимости новаций. Если новация соответствует воле большинства, то она истолковывается как приемлемая, а с приданием ей статуса традиции понимается как составная часть религиозной доктрины.

Панельная рецепция религией идей государства, заложенных Атаатюрком, привела как к образованию особой модели развития страны, но также усилила интерес к религии в стратегической перспективе, как к некоему кумулятору актуальных политических трендов. Именно благодаря этому политические идеи, составляющие религиозную платформу, очень лабильны и способны к видоизменению.

На сегодняшний день мы наблюдаем, что изменения происходят в самой аксиологии развития государства. Национальную повестку, являющуюся традиционным универсумом ханафитских стран, сменяет исламский космополитизм. Сказать, насколько долгосрочным и стабильным станет этот политический тренд, можно будет проанализировав дальнейшие шаги турецкого правительства. На данный момент как минимум два фактора нивелируют дальнейшую космополитическую перформацию. Во-первых, это показательный опыт Египта, где активизация артикуляции религиозными ценностями приве-

ла к смещению президента Мухаммеда Мурси и популяризации более светски настроенного и национально-ориентированного фельдмаршала Ас-Сиси. Во-вторых, это присоединение Крыма к России, которое активизировало пантюркский дискурс в стране, призывая Турцию более активно выступать гарантом прав родственных народов, в частности – крымских татар.

1. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М., 2003 – С. 13.
2. Исламский фактор в истории и современности / Под ред. В.Я. Белокрицкий – М., 2011, – С. 246.
3. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М., 2006, – С. 88.
4. Мамедова Н.М. Эффективность экономических моделей Ирана и Турции (сравнительный анализ) // Мировое и Национальное Хозяйство: № 1 (16), – 2011.
5. Мирский Г. «Арабская весна» – туман и тревога [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Arabskaya-vesna-tuman-i-trevoga-15957#>.
6. Lahoud N. Political Thought in Islam – NY: Routledge Curzon, 2005.
7. Masud M.Kh. Islam and Modernity – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

8. Park B. Turkey-kurdish regional government relation after the U.S. withdrawal from Iraq: putting the kurds on the map? – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2014.
9. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey – Santa Monica, 2008, – С. 32.

1. Zhdanov N. V. Islamskaya koncepciya miroporjadka. – M., 2003 – S. 13.
2. Islamskij faktor v istorii i sovremennosti / Pod red. V.Ya. Belokrickij – M., 2011, – S. 246.
3. Malashenko A. Islamskaya al'ternativa i islamskij proekt. – M., 2006, – S. 88.
4. Mamedova N.M. E'ffektivnost' e'konomicheskix modelej Irana i Turcii (sravnitel'nyj analiz) // Mirovoe i Nacional'noe Xozyajstvo: № 1 (16), – 2011.
5. Mirskij G. «Arabskaya vesna» – tuman i trevoga [E'lektronnyj resurs] // Rossiya v global'noj politike – Rezhim dostupa: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Arabskaya-vesna-tuman-i-trevoga-15957#>.
6. Lahoud N. Political Thought in Islam – NY: Routledge Curzon, 2005.
7. Masud M.Kh. Islam and Modernity – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
8. Park B. Turkey-kurdish regional government relation after the U.S. withdrawal from Iraq: putting the kurds on the map? – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2014.
9. Rabasa A., Larrabee F.S. The Rise of Political Islam in Turkey – Santa Monica, 2008, – С. 32.

UDC 321.013

FROM NATIONALISM TO COSMOPOLITISM: PERFORMATIVE CHANGE OF THE POLITICAL DOCTRINE OF TURKEY

Isakov Aleksandr Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
graduated student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article aims to explore the performative processes occurring in a political discourse of modern Turkey. Research is based on the author's methodology assuming the analysis madh'hab as a basis for political changes. Reflexion of polarisation of political development of the country, the analysis of national and cosmopolitan vectors of development in the context of the events of the «Arab Spring» and its consequences.

Key words:

Turkey, madh'hab, hanafism, the Arabian spring, islamism, performance, discourse.

УДК 11.6

ПЕРФОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ В ДИСКУРСЕ ТРАВЕЛОГА

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
зав. кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Скворцов Олег Георгиевич,

Институт международных связей,
заведующий кафедрой,
кандидат филологических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: skvortsov@ims-ural.ru

Аннотация

Исследуется методология лингвокультурологического подхода к перформативному аспекту дискурса травелога.

Ключевые слова:

перформанс, перформатив, перформативный аспект, дискурс, травелог, дискурс травелога.

В дискурсе травелога перформативный аспект играет весьма существенную роль. Для уяснения этого сделаем небольшой экскурс в историю вопроса.

В рамках отмеченного в мировой и отечественной литературе так называемого «лингвистического поворота» в 60–70-е гг. XX в. происходит переориентация исследований языка с изучения его структур – на изучение его функционирования. Возникает мощное течение «лингвопрагматики», значительный вклад в которое внесли работы Дж. Остина по «теории речевых актов». В рамках своего подхода Дж. Остин предложил разграничивать два типа высказываний – перфор-

мативные и констативные. Если констативные высказывания или «констативы» лишь описывают, изображают окружающую действительность, т. е. сообщают что-то о ней, то «перформативы» производят речевые поступки, имеющие определенные последствия, как для говорящего, так и для слушающих, другими словами – осуществляют какие-то действия, само произнесение данных высказываний является осуществлением некоторого акта. Естественно, что практически сразу возникли, как минимум, две позиции: одна настаивала на строгой дихотомии констативов и перформативов, а другая – на относительности их различия, поскольку они всегда погружены в речевой акт,